

18+

ТАМЕРЛАН БАДАКОВ

БАРХАНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Тамерлан Бадаков

Барханы. Книга первая

«Издательские решения»

Бадаков Т.

Барханы. Книга первая / Т. Бадаков — «Издательские решения»,

«Барханы» — история о взрослении, семье и неизбежных переменях в степной глубинке. Ерлан-Воробушек переживает первые радости и потери, сталкивается с трудными выборами и учится нести ответственность за близких. Пески здесь — символ времени и испытаний, магический реализм и метафорические образы создают пространство для личного восприятия, где каждый читатель сам решает, где грань между реальностью и фантазией.

© Бадаков Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Барханы Книга первая

Тамерлан Бадаков

Редактор С. Любарская

Редактор Н. Любарская

Редактор Э. Махмудов

Корректор С. Любарская

Корректор Т. Бадаков

Дизайнер обложки В. Голодаева

© Тамерлан Бадаков, 2026

© В. Голодаева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0068-8495-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-8494-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— Ох, снова этот песок! Скоро он засыпет наши дома с головой.

Девушка сметала песчинки с подоконника и сокрушалась. Восточный разрез колючих тёмных глаз и длинная коса, которая, словно туго затянутый сухой стебель джугуна, овивала её стройное крепкое тело, выдавали в ней человека сильного и решительного. Широкие плечи, раскинутые в стороны, пружинистая походка, и сухой, одресневелый голос — это то, чем можно было бы описать Айгуль, которая снова сетовала на барханы с человека ростом, разгуливающими по селу, и нерадивого братца, который, будто бы специально, всегда убегал от домашних дел, к которым был равнодушен.

— Ну, я ему покажу...

Айгуль крутила ручку сепаратора, отделяя сыворотку от каймака, и глядела в окно, запошенное песком, высматривая своего брата Ера, летавшего где-то со своей стаей. Во дворе их дома она увидела старый увядающий тёрн, который рос там уже много лет. Дерево сиротливо качалось, словно уже потеряло всякий интерес к жизни, и лишь порывами ветра шептало что-то на своём. За тёрном ухаживали, хотя и без особой надежды. Никто не мог понять, как он столько лет, буквально на волоске от верной гибели, умудряется бороться за жизнь.

— Будь снисходительнее к своему брату, — проскрипел голос из гостиной, дряхлый, но одновременно излучающий силу, — он ещё молодой воробушек, ему ещё многому предстоит научиться.

— Эй, койшы!¹ Ер мой ровесник, мы двойняшки. Или ты забыла?

Из комнаты слышалось лишь равнодушное молчание и Айгуль с гневом сжала жилистые кулаки. Ещё секунда и её тело покрылось цветными колючками и она, злобно толкнув фанерную дверь, зашла в комнату к матери. Её взгляд, словно из тысяч шипов, обратился на ломкий источник света, который лежал, скукожившись, на продавленном диване.

— Он ещё молодой воробушек, — снова повторила женщина, пока в соседней пустой комнате что-то стучало и скреблось. Её хрупкое и ломкое тело, словно иссохшая ветвь, готово было вот-вот рассыпаться. И только слабый внутренний огонёк поддерживал в нём ещё силу. — Дай ему накататься вдоволь.

Айгуль взглянула на дряхлое тело, ещё излучавшее жизнь, и колючки с её тела сухими щелчками попадали на потёртый и облупившийся линолеум, а взгляд остепенился. Комнату заполнил травянисто-пряный аромат степного разнотравья, девушка грустно улыбнулась.

— Демалыңыз, Умай.²

— Рақмет, қызым³. Я так тобой горжусь.

И Умай снова заснула, лишь краем глаза видя их опустевший двор с сухим деревом, ещё живым, но согнувшимся в три погибели от здешних ветров, и краешек синего неба, где, наверное, сейчас парил её воробушек.

Где-то там, вдали от засыпанного песком подоконника и одинокого некрасивого тёрна во дворе, летал вольнолюбивый Ерлан, с тополя на ильм и дальше, вдоль тихих волн замшелых шиферных крыш, вдоль пшеничных полей, разрезанных арыками на прямоугольники, и терриконов на границе посёлка, куда свозили шлак и строительный мусор.

¹ каз.: Ой, перестань!

² каз.: Отдыхайте, мама Умай.

³ каз.: Спасибо, доченька.

Маленького роста, незаметный и от того приглянувшийся Диме другом, — Ер долго будет кружить, разбрасывая серо-бурые перья вниз, пока не обнаружит Диму у границы рукотворного леса, который окаймлял пахоты.

— Дружище, вот ты где! Обыскался я тебя! — и крохотное тельце в рост человека в сердцах обняло друга.

— Ерлан, после прогулки обязательно ко мне играть в приставку! — крикнул сходу высокий, атлетичного вида парень с чуть оттопыренными ушами. Сказав это, Дима спрятал нос от порывистого ветра и песка.

— Хорошо, только давай вначале побольше погуляем, — и Ер повернул покрасневший от холода нос в сторону леса. По другую сторону от них раскинулись их Барханы, сплошь состоящие из десятков кирпичных белых коробок с треугольными деревянными крышами из шифера и горбыля. Друзья шли лесом, высаженным вручную, спиной к этим серым коробкам, снедаемых сквозняками.

— Слышишь, как дышит Степь? — Ер чувствовал ногами теплоту земли.

Тысячелетиями эти земли оставались нетронутыми: только редкие табуны лошадей, кочующие юрты и зимовки раскосых людей, с любовью и благодарностью за всё, что дают им просторы, заросшие полынью и дикими цветами, изредка тревожили просторы без края. А потом — лет сто тому назад — сюда заглянула цивилизация. Железными плугами и боровами они разрушили тысячелетний покой, разбили пространство без краёв на ровные полоски желтеющих полей, протянули вдоль них арыки, рассадили вязь, дубы и смородину у полей, просёлочных дорог и погостов. Красной паутиной окутали вспаханные почвы дождевалки, тяжёлые колеса желтых гигантов и гусеницы с траками красных тракторов поменьше, напоминавших танки, превратили границы земель в пустынные тракты с зеленоватым вытянутым островом посередине, покрытым жалкими редкими травами. В воздухе стоял запах солянки и сотни рабочих рук чинили, латали и строили. Там, где пройдёт ржаво-жёлтый каток с огромным железным колесом спереди — там появится асфальт и контуры будущей улицы. Где увидишь стаю белых косынок и серебристого цвета лейки — там через несколько лет вздымнутся в небеса аллеи высоченных тополей.

— Это всё моя мама сажала с одноклассниками, — Ер провёл руками вдоль длинной аллеи тополей, протянувшейся от посёлка к рукотворному лесу — а сейчас смотри, какая красота!

Кирки, пилы и киянки. Сеялки, жатки, культиваторы и косилки. Труд сотен рук и десятков машин с ремнями и шестерёнками превратит безлюдный край в село, поселит сюда людей из разных концов огромной страны, взрастит им пахотные земли, разрезанные водными артериями оросительных каналов, построит коровники, школу, больницу, почту, пекарню и колбасный цех. Проведёт телефон, засеет огороды первых поселенцев пупырчатыми огурцами на выюнах, проведёт желтые газовые трубы. Здесь начнёт кипеть жизнь, родятся первые дети, станет слышен гогот детворы с футбольного поля, огороженного забором из железных рам со стальной сеткой и бетонными столбами меж ними. Здесь появятся первые двухэтажки: они взойдут как грибы на окраине поселения, словно бетонные врата, защищающие квадратные дома из белёного белого кирпича от пронзающих степных ветров. Появится клуб с мозаикой на восточный манер, откроются магазины, в которых всегда будет пахнуть копчёной ряпушкой и шоколадными конфетами. В них всегда будет прохладно, стены покрыты рядами с яркосалатовыми ценниками, подписанными от руки, а уши ласкает мерный звук холодильников со стеклянными дверьми.

— А мои — не местные. Приедут сюда уже сильно позднее, когда вовсю будет кипеть работа.

Потом в селе откроется клуб и приедет хореограф из города, который начнёт учить местных девушек танцевать народные танцы. Зажурчит фонтан напротив здания местной конторы,

где вечерами будут собираться бригады трактористов и комбайнёров: там будет пахнуть канцелярской краской и мебелью из стружки, а под ногами заскрипит пол, уложенный ёлочкой. Село разрастётся в несколько раз, будет жить, без усталости работая в коровниках и душных сараях, собирая пыль в уголки глаз, распахивая целинные поля. По вечерам там будут мычать коровы, возвращающиеся с пастбищ, и лаять дворняги. Будут крутиться ручки сепаратора, разделяя парное молоко из серебристых ведёр на сметану и сыворотку, будут долго и задумчиво курить хозяева усталых глаз с неотлипшей ещё пылью из-под жернов широченных колёс желтых гигантов-тракторов.

Так будет несколько десятков лет, пока лёд не тронется.

Когда их страна останется лишь только на бумаге и производства начнут сыпаться как карточный домик, маленькое село, как и десятки тысяч других таких же сёл, выстоит. Выстоит, чтобы умирать потом долгой мучительной смертью. Теряя молодые кадры, уехавшие за лучшей долей в город, закрывая производства и оставляя сельчан без работы, безбожно спиваясь и на глазах старея от вдруг пришедшей безнадёги, когда только вчера казалось, что местные степи окончательно покорены.

— Никогда эти просторы человеку не покорятся. Видит Небо: всё, что построено людьми, сгладит полынь и песок. Эх, жаль... — сокрушался Воробушек, глядя на скелеты кошар.

Потом закроют коровники, пекарню и колбасный цех, а их металлические останки ночами будут срезаться неблагоприятными поселенцами на лом. Потускнеют огни в школе и детском саду, и оранжевая ткань из прямоугольной плитки на фасаде начнёт потихоньку редеть.

— Вот спасти лишь хотя бы одни только наши Барханы, — мечтал Ер, глядя снизу вверх на белолицего Диму.

— Почему только одно село? Мы многое сможем. Покорились же ведь когда-то эти луга. Покорятся ещё раз! И никакой песок здесь ничего не сгладит!

В конце густой лесополосы друзья наткнулись на заброшенную рембазу, которую посещали с трудовиком, Аманом Кунанбаевичем, ещё в средних классах. Бойкие лозунги красной краской на сером кирпиче подвыцвели, а из дверного проёма грустно покачиваясь выглянул сухой абрикос. Уже дальше — мимо запорошенного песком плуга и паутинки культиватора рядом с ним — начнётся огороженная территория склада ГСМ с ярко-серебряными бочками, покоящимися на волнистых бетонных основаниях, напоминавших перевернутые акведуки. За ним — громоздкое здание зернохранилища, состоящее из двух блоков. Эти блоки взгромоздятся на тонкие металлические ножки — явно спасаясь от грызунов — окружают себя ровными рядами серых досок, накрытых сверху плотным навесом из шифера. Тут и там выбитые стеклянные окошки грустным множеством глаз взглянут вдруг на Ерлана и Диму, словно содрогаясь в последней попытке пожить ещё хотя бы немного.

— Смотри, как будто живой человек зернохранилище.

— Да, жалко его, — сказав это, Ерлан поднял голову и посмотрел в глаза несчастному существу, у которого уже всю отколупалась деревянная обшивка. Здание долго глядело на них, пока снова не уснуло, лишь изредка похрапывая скрипом своих железных костей.

У опушки леса их встретила тихая улица со столбами-циркулями, совсем без людей, рядом с которыми нелепо было рассуждать о том, что их Барханы ещё зацветут.

Там они встретили жёлтый трактор-гигант, которого уже тронула коррозия и пятнистость и который жалобно улыбался теперь ребятам огромными, немного выпуклыми глазами в металлической обводке. На боку зверя — прикрывающем внутренности бронелисте — Ер увидел странное, выщарапанное вязью имя трактора: «Кобланды».

— Наверное, так звали механизатора-степняка. Пойдем, Ер, — отмахнулся Дима и приобнял за плечи Воробушка.

Вот так вдвоём, окраинами посёлка и лесными прогулками через степь с торчащими из под песка серо-бурыми кустиками полыни, они помогали друг другу на несколько часов уйти в другие миры.

Глава 2

Пока степь вздыхала, сплёвывая песок и обрастая рассечёнными листьями полыни, друзья были заняты своей жизнью.

Они много говорили о будущем, фантазировали кем станут, когда закончат школу. Часто судачили о девчонках, к которым они в последнее время почти в унисон стали испытывать странное магическое влечение.

Оба носили в рюкзаках анкеты, которые одноклассники передавали друг другу, — цветастые тетради с наклейками и вклейками вырезок из глянцевого журналов. На страницах в клетку одноклассницы гелевыми ручками разного цвета спрашивали имя, знак по гороскопу, предпочтения и ещё много вопросов, которые ребят раскрывали как личностей. Среди вопросов цветными ручками и разноцветных сердечек угадывалось наивное стремление какими-то тайными знаками понять, кто кому нравится.

— Ну, и как твои поклонницы, Дима? — слегка ехидно спросил Ер, явно намереваясь подзадорить друга.

Конечно, никаких поклонниц — таких открытых хрестоматийных поклонниц, которых показывали в фильмах, — никогда не было, но им обоим бесконечно нравилось представлять, что были, и что какие-то полунамеки и смешки от девочек вокруг можно счесть за картинные признания в любви.

Они проходили мимо белоснежного урюка, непривычно долго в этом году не прощающегося с нежными лепестками, вдыхали его сладковатый, едва уловимый аромат и с улыбками говорили о девушках.

— Да, какие поклонницы! — отмахивался Дима и глупо улыбался, подтягивая лямку рюкзака. Он не сказал товарищу, что внутри лежали цветастые страницы и вопросы с заковыркой. В некоторых ответах от девочек Дима смутно узнавал себя самого и это теплило ему сердце ещё больше.

Он и вправду был хорош собой. Высокий ростом, грудь колесом, его всё время задумчивый взгляд, по которому потом охали девчонки на переменах. Волевой подбородок и умение держать себя в любых обстоятельствах выдавали в нём голубую кровь. Единственным недостатком его внешности можно было счесть слегка торчащие уши, но он ловко скрывал это пышной причёской с густыми, слегка волнистыми чёрными волосами — от того, его образ ещё больше выдавал в нём интеллигентную и поэтическую натуру, как будто всё время в чём-то сомневающуюся.

Он мог себе представить, что симпатичен девушкам, но часто нелепыми своими словами и действиями словно распугивал любой их интерес, что вызывало в Ере помесь смеха с лёгким раздражением.

— Дима, ты в такие моменты такой балбес!.. — как-то однажды ёмко и грубо сказал ему Ер и Дима с ним внутренне согласился.

Нарочитые фразы, неловкие тычки и плоские на юмор обзывательства, — Диме явно нравилось даже самое небольшое внимание противоположного пола, но он не знал, как на такое внимание реагировать, как обратить полунамеки в картинные признания из книг, про которые они вспоминали с Ерланом долгими лесными прогулками.

Дима остановился, разглядывая чистый, молочно-белый цветок урюка, уже тронутый бледным, слегка стыдливым розовым оттенком у самого основания. Многословный Ер кружил вокруг него, картинно жестикулируя руками, и по-дружески сетовал на нерасторопность Димы. Он сам в своей красоте ещё долго будет сомневаться и потому взял за правило подтрунивать над другом — красивым, как считал Ерлан, но безумно застенчивым.

— Разве можно вот так не видеть очевидной истины? Давай смелее, а то всех хорошеньких разберут! — Ер увидел, что его друг остановился и перестал его слушать. — Чего ты там засмотрелся?

Ерлан подошёл к другу и взглянул на цветущий абрикос, на который, словно в каком-то трансе, смотрел Дима. Ничего ему тогда не показалось примечательным в этих белых лепестках и он лишь с улыбкой посмотрел на задумчивого Диму.

Ер часто думал о том, как бы он поступил, если бы в цветастых анкетах вдруг написали про него. В эти моменты он любил быть один и слушать в своих проводных наушниках-вкладышах бунтарские песни модных девушек, поющих в чёрной коже на сцене и лихо размахивающих стрижками-пикси под басы электрогитар. И представлял, что возьмёт в девушки самую красивую — прекрасную Лалé, их одноклассницу, которая тоже тогда пела.

Воробушек никогда не забудет, как смотрел на Лале в окружении драповых бордовых кулис на сцене клуба с мозаикой на восточный манер — он залетел туда почти случайно, и долго потом не мог уйти, заворожённый её голосом и глазами с поволокой, которые он до этого не замечал. Девушка пела на сцене с шариками и вырезанными из цветной бумаги буквами, а Ерлан только и думал о том, что нет никого, наверное, прекраснее на свете Лале.

И как будет чудесно случайно увидеть в очередной тетради с вклейками вырезок и цветастыми сердечками упоминание о нём — её аккуратным почерком.

Когда уже Дима ткнул замершего Ера в бок, ребята обернулись и заметили, что песчаные склоны шли аккуратно за ними, словно подслушивая их задушевные беседы. Качались ряды деревьев, заботливо высаженных несколько десятилетий назад, стрекотали сороки, перепрыгивая с ветвей на ветви. Понемногу становилось темнее. В эти минуты, несмотря на холод и залетающий за шиворот песок, ребятам было необыкновенно хорошо: ведь им снова удалось помечтать друг об друга, поделиться тем, что было глубоко в душе и вдоволь насмеяться, обсуждая их класс, учителей и уроки. Им обоим нравилось, что они могут поговорить на самые высокие темы и никто их не засмеёт, не возьмёт за шкирку в попытках ткнуть в серую действительность и небрежно разбить любое стремление к лучшей жизни.

Таких мечтателей, безмятежных и порой отрешённых от жизни, в их окружении не было и, наверное, большая удача, что они родились вместе в богом забытой точке на карте мира, пошли в один класс и почти сразу сдружились. Дима много читал, его родители могли позволить себе покупать ему много книг, и он охотно делился ими с другом. Дима заразил друга любовью к книгам — и ему это влияние на ближнего понравилось, и он же привил ему любовь к играм, в которых они вместе могли пропадать часами.

Мир этот, колоритный, пёстрый, иногда агрессивный, не мог не увлечь подростка своей притягательностью и реализмом. В нём всё выдумали за тебя: и героев, и их броню, и бесчисленное количество оружия, сверкающее у нижних краёв и покачивающееся из стороны в сторону при ходьбе.

На серой прямоугольной коробке с большой кнопкой посередине обычно покоилась тёмно-зелёная кассета в жёлтом картридже с наклейкой. Наклейки часто обещали какое-то бесчисленное количество игр, рисовали красивую графику, которой, конечно, не было на самом деле. Друзья любили разглядывать эти кассеты, выложенные пёстрыми рядами на рынке, во всём этом аляпистом многообразии развлечений пытаясь найти то, что будет по душе.

— Пойдем ко мне, поиграем в приставку? — Диме очень хотелось провести с другом ещё немного времени. Было в этом маленьком, шепутном и добродушном Воробушке, что-то такое, что заставляло Диму к нему тянуться.

— Давай, но только на чуть-чуть. — И хотя Ер очень любил наблюдать за прыгающими пикселями на экране старого телевизора в уютной комнате друга, он себя осекал: были причины.

На пороге их встретил пушистый пёс Димы, Дракоша, огромный, словно рыжее облако, он мигом набросился на хозяина и принялся его вылизывать.

— Ох, Дракоша, я тоже соскучился!... — И Ер тогда увидел, как сильно его друг любит свою собаку, как искренне радуется простой, но харизматичной дворняге.

Ер часто проводил время у друга, долго любясь отдельной его комнатой с двумя кроватями у стен, с неизменным узорчатым ковром у изголовья, партой-шкафом, пахнущей книгами, стенкой с сотней вкладышей с машинами и, конечно, десятками игр под кроватью на любой вкус.

Ерлан видел в деревне много разных семей. Были семьи, как Димины: не шикавали, конечно, но определённый достаток и стабильность в их домах всегда были. Их жилища обычно прочно стояли, красуясь белым кирпичом с конопушками редких рыжих, образующих узоры. Заборы были из белых кирпичных столбиков на равном удалении друг от друга, соединявшиеся словно башни деревянным лакированным штакетником, нанизанным на стальные доски, по одной сверху и снизу.

В таких дворах обычно стрекотали разбрызгиватели, которые мерно разбрасывали струи воды на большие сердцевидные листья огурца, надёжно укрывающими колючие плоды с ярко-желтыми хвостиками. Капли падали на мясистые, с множеством веток, побеги молодого картофеля — они гордо стояли в ряд на высоких пиках грядки, поглядывая сверху вниз на пустынные низины меж рядов, куда скапливалась вода, когда зелёный, похожий на змею, шланг пускали на полив ботвы. Стройно в углу у забора ютились бледно-зелёные кочаны капусты, они распускались по мере старения, обрамляя ядро весенним сарафаном пресмыкающихся к земле больших листьев.

У входной двери хозяев обычно встречали собаки. Цепями из железа они навечно были прикованы к домоподобным будкам, всю жизнь чертя окружности в полтора-два метра от конуры, доедая объедки с хозяйского стола и получая пинки резиновыми тапочками за лай без дела.

Участок разделялся дощатым забором на две части. Из глубин заднего двора, было слышно свиней и коров. Там кудахтали курицы, копошащиеся у сараев и курятников из строительных блоков и остатков былой цивилизации, растасканной по сотням таких же дворов: железными сетками, порябевшими кусками обшивки комбайнов, дверями тракторов, шифера, листов железа и труб.

В таких семьях были папы, и папы эти не пили, как это было принято в те времена. Папы часто и были теми людьми с пыльными глазами в фуфайках с пробоинами — они крутили баранки, тянули-толкали рычаги тракторов, похожих на рыжие танки. Они пахли соляжкой и сигаретами, которые всегда хранили в грудном кармане. Днём взбирались на высокие кузова комбайнов, заливали топливо, чинили механизмы из ремней и шестерёнок, варили железными заплатками пробоины, которые часто возникали на уставшей и почти уже отслужившей технике.

Ерлану нравилось смотреть на такие семьи — пусть далеко неидеальные, но со стержнем стабильности внутри. Дети из таких семей, в силу своей глупости и злости, часто выносили из совместных с родителями ужинов колючие вопросы таким ребятам, как Ерлан.

— Только на чуть-чуть зайдём поиграть, ладно? — застенчиво произнёс Воробушек. Ему и хотелось, и кололось.

Оттого, наверное, что он к себе Диму так никогда и не пригласит.

— Конечно, на чуть-чуть, — улыбался Дима, — а когда к тебе заглянем?

— Эм, ты знаешь, — тут Ер немного покраснел и отвёл глаза, — у нас дома ремонт и пока я не могу тебя пригласить...

— Что, снова? И чего так долго? — слегка бестактно спрашивал Дима, за что потом себя корил.

И Воробушек лишь только отводил глаза, покачав плечами. Не хотелось ему показывать другу своё гнёздышко. В его доме не было приставки с тысячами красочных пикселей, бегающих по экрану, не было отдельной комнаты и парты-шкафа, пахнущей книгами.

Да и ремонта никакого тоже никогда не было. Их вселенные, в которые они погружались на лесных прогулках и на полупустых улицах, мало сочетались с покосившимся деревянным домом с тремя маленькими комнатами на окраине села, который постоянно засыпали пески. Они мало сочетались с заплесневелыми стенами, покрашенными жутким зеленым цветом, выбранным случайно. Мало сочетались с железной пружинистой кроватью с серебристыми толстыми трубами изголовья и узорами плесени на потолке. Все вместе они наводили жуткую тоску и Ерлан не хотел, чтобы Дима когда-нибудь увидел такое его неприглядное жильё.

Жизнь Димы, с его крепким домом из белого кирпича, которые когда-то раздавали отличившимся работникам колхозов, с обоими родителями, имевшими постоянную работу и какую-никакую зарплату, с прочным забором у дома и ухоженным огородом, слегка пугала и одновременно притягивала Ерлана своей идеальностью и выхоленностью.

«Вот бы мне такую семью и такую жизнь!» — втайне шептал Воробушек, разглядывая плакаты с машинами в доме Димы.

Мучая дрожащие в руках джойстики и переживая за героев девяти тысяч игр из желтых картриджей, смеясь и подтрунивая порой над проигрывающим другом, Ер забывал о плесневелых зеленых стенах и скрипучей железной кровати, наводящей тоску. Он громко смеялся и, пожалуй, был по-настоящему счастлив в эти мгновения с другом.

Дима знал и понимал, что семья Воробушка бедствует. И, наверное, порою совсем недалеко от того, чтобы пойти по миру, но виду старался не показывать. В своём превосходстве над ним, материальном и, надо сказать, интеллектуальном, он чувствовал силу, но не стремился кичиться ею: и ему было просто приятно, что он немного лучше друга, и так он чувствовал себя увереннее. Иногда некоторым из нас действительно нужны в окружении те, кто слабее, чтобы внутренняя сила глубоко в душе заглялась в стремлении вести за собой. Пожалуй, можно сказать, что Дима и был тем парнем, которому нужен был такой друг — добрый и честный, но ведомый.

Помогая Еру прикасаться к миру, пусть и далеко не идеальному, но в целом соответствующему представлению подростков о среднем классе, он чувствовал себя благороднее. И иногда он искренне поражался, как проста и неказиста душа друга, который с невинной искренностью порой удивлялся даже самым простым вещам.

Например, однажды Дима увидел друга сидящим напротив стиральной машинки, которая крутила барабан, неистово отжимая бельё. Ерлан заворуженно смотрел на крутящиеся в иллюминаторе сорочки, на мигающие датчики и таймер, на поворотный энкoder и думал о том, как здорово, когда твоя повседневность состоит из кусочков цивилизации — и лихо расчищает твою жизнь от быта, который съедает львиную долю времени, энергии и внимания. И как можно только не любить цивилизацию?

— Ты чего, Ер? Это же просто стиралка. Пойдём уже играть.

Возвращаться от Димы не хотелось. Возможно в том числе потому, что у него дома всегда пахло чем-то вкусным, и тётя Ира, всегда в чистом накрахмаленном переднике, часто к приходу Ерлана готовила блины с вареньем. Отказывать ей в семье Димы было не принято, и все понуро плелись, оторванные от пикселей.

— Тётя Ира, в ваших краях совсем нет барханов, это здорово! — Ер говорил с набитым ртом, выглядывая в окошко их кухни. Вокруг и вправду не было никакого песка.

Пока мама Димы улыбаясь расставляла кефир и миску с тестом на столе, принимаясь за вторую порцию блинов, а Дима в это время застревал в приставке, Воробушек аккуратно, в несколько мягких шагов прохаживался по месту, где жило семейство его друга.

Оно обосновалось в большом уютном доме с белыми тёплыми трубами по периметру комнат, в которых пахло коврами и старыми газетами. В зале Ерлан увидел кипу книг из библиотеки, сверкающую корешками и позолоченными буквами, сервант-стенку и пухлый серебристый телевизор с каменным названием. Интерьер дома был похож на интерьеры множества таких же домов посёлка и сочетал в себе неубиваемую, практичную, но часто очень уродливую мебель эпохи расцвета, которая передавалась по наследству, и первые признаки нового времени с его разнообразием и красотой. Воробушек видел стандартный ремонт, сделанный своими руками, с флизелиновыми обоями, линолеумом и плинтусами, чувствовал запах порошка из ванной, касался узорчатого мягкого ворса на стенах, слушал как мерно тикают огромные фальшиво-наручные золотого цвета часы на стене и смотрел, как пробивается солнце сквозь ленточно-цветочные узоры штор.

В небольшой комнате, справа от входа, он вдруг увидел заморожённо играющего в компьютер мужчину, который, казалось, совсем не замечает блуждающего по его дому подростка. Тем мужчиной был Вова — слегка инфантильный отец Димы, который своей зависимостью выбрал не стандартные для его коллег-механизаторов прямоугольные пачки сигарет с корешками на любой вкус, и не пиво после смен, которое можно было с удовольствием потягивать, чувствуя как грязное, заиндевшее от долгих сидений тело, накрывает приятная истома.

Своей зависимостью он выбрал игры и часами просиживал в своей маленькой комнатухе без окон, где уютно расположился светло-коричневый стол из стружки и высокий стеллаж с корешками дисков. На стене висел плакат в красно-чёрных тонах, явно роком поющих о чём-то мрачном, внизу отчаянно жужжал кулер системного блока, а большая зелёная кружка, уже тёмная изнутри, соседствовала с наушниками, явно брошенными мгновение назад на стол.

— Дима, поди сюда, чего покажу, — вдруг внезапно крикнул Вова, испугав Ера.

— Вот видишь, сколько очков? — сказал он, когда подростки сгрудились в тесной каморке главы семейства. Вова сначала посмотрел на привычного к такому контексту сына, а потом уже на слабо понимающего Воробушка, словно показывая аборигену бусы, — видишь, Ерлан, какие характеристики?

И хотя Ерлан не особо разбирался в очках и характеристиках, он, тем не менее, понимал, что ему надлежало картинно удивляться и восхищаться успехам немного забавного Вовы, который скоро потеряет к ребятам интерес и снова примется за игру, не отрываясь от экрана надевая наушники.

Дима, улыбаясь, махнул другу — мол, идём обратно, и друзья вернулись к себе, замороженно готовые отдать ещё пару часов любимым мирам.

Комната Димы была переполнена игрушками: шумными светящимися автоматами и джипами с хвостом антенны на радиоуправлении. Он гордо рассказывал другу о том, чего ему купили нового, показывал книги с объёмными золотыми буквами на переплёте, перебирал вместе с Ером жёлтые картриджи с почти десятью тысячами игр и стандартные 12-сантиметровые диски с красивыми наклейками и логотипами с одной из сторон.

Дима любил похвастаться, хотя порой и осекал себя, любил производить впечатление на очевидно уступающего во всем ему друга, и любил беззаветно свою роль лидера в их дуэте. В школе и он, и Ер никогда не были в «крутых» компаниях, держались обособленно и нередко вступали в перепалки с непонимающими их одноклассниками, которым, конечно, не нравилась их непохожесть и отстранённость от внешнего мира.

— Чего вы тут из себя возомнили, розы? Проще будьте, — бросил им насмешливо в школе Женя, коренастый подросток из класса на год старше.

Ер тогда сжался, взъерошился, словно готовый к прыжку, а Дима поставил впереди него руку, сдерживая порыв. Ерлану тогда показалось, что всполохи залетевшего через форточку песка за спиной у Жени, начали танцевать, словно насмехаясь над ними тем же грубым и низким голосом.

Как тут быть проще, если окружающая действительность друзьям не нравилась, а говорить красиво, словно отрывками из книг и игр, — нравилось?

Как вы не любите рыбалку, когда окуньки из местных заводов, заботливо завёрнутые мамами в кляр из теста, так аппетитно пахли на всю хату? Как это в деревне взрослому лбу не уметь плавать в оросительных каналах с белыми бетонными плитами по бокам — это же летом, в ужасную жару под сорок, единственное в посёлке спасение? Как не испытывать трепет от плевков в пластиковые бутылки с карбидом, которые потом классно взрывались? Как не любить пахнущие порохом петарды с пиратами на черно-красной коробке, закинутых другу за шиворот в преддверии нового года?

Диме не нравилось доказывать что-то сверстникам, не нравилось биться за право быть самим собой. И в долгих скучных уроках, которые друзья проводили за последней партой и делились впечатлениями от очередной прочитанной книги, и в задушевных прогулках по посёлку от школы домой — везде Дима открывал для Ера какие-то новые знания, везде подпитывал интерес узнать мир далеко за пределами маленького селения в голой степи, подпираемой песками. И это, возможно, заставляло дружить таких разных, таких непохожих друг на друга ребят.

Глава 3

Дима в целом хорошо учился и школьные предметы давались ему легко. На долгих неинтересных уроках, где он нередко спорил с учителями и нередко оказывался прав, ему часто было скучно. Были точные предметы — алгебра, физика или химия, где его природная интуиция давала сбой и он ревностно поглядывал на ребят, получавших лучшие оценки. Но были предметы сугубо гуманитарные — и здесь его собранность, умение говорить и удивительная память повергала и сверстников, и учителей в шок. Точные даты сражений и объявления мира, сложные имена монархов и деятелей истории, трудно выговариваемые названия городов и весей — всё это (мало впрочем нужная в жизни информация, но в моменте производившая невероятный фурор и добавлявшая много очков к харизме и уверенности), всё это легко помещалось в его голове и легко извергалось при случае.

— Ты просто какая-то ходячая энциклопедия. Леонардо! Леонардо! — дразнила его одноклассница Настя, озорно и с прищуром поглядывая на покрасневшего парня.

Диме и самому безумно нравилась его способность запоминать информацию, чего уж тут говорить. Несколько районных олимпиад, к которым он готовился с двойным усердием, и вот уже его голова, наполненная огромным массивом невероятно красивой информации, готова штурмовать итоговые экзамены, которых ребята ждали с содроганием.

Древесного цвета школьные парты из ДСП и покрашенный в черный цвет остов, коричневый линолеум с узорами ромбом, стул с выгнутой назад спинкой, на котором со скуки можно было качаться, вертикальные жалюзи с пробивающимся сквозь них солнцем и шорох-постукивание мела по классной доске — всё это на уроках занимало Диму больше, и только Ерлан, сидящий от него справа, пробуждал его ото сна:

«Дима, помоги, что вот тут написать?»

Парню нужно было совсем немного времени, чтобы живо включиться в процесс и помочь другу, а потом он снова уходил в себя, разглядывая чищенную гуталином обувь и лямки школьного рюкзака, висевшего на крючке. Дима смотрел на угол потолка с пятнами от подтёков, любовался вонючей геранью на подоконнике, фиалками и сансевиерией.

По потолку, обёрнутый в недавно установленный пластиковый короб, висел толстый провод к проектору, который ребята периодически включали на уроках и трепетно, боясь что-нибудь сломать, работали со стилусом. На стенах висели портреты классиков и Дима по сотне раз будет перечитывать потом их краткие биографии и долго будет вглядываться в канонические лица, пытаясь найти что-то. Где-то в углу висел стенд, где цветной бумагой, вырезками из газет и фотографиями класса десять на пятнадцать из районного фотоателье будет кратко рассказана жизнь класса.

На одном из фото Дима вдруг увидит себя и класс, стоящих на опушке леса, и вспомнит, как несколько лет назад верховодил в экологическом клубе и сподвиг сверстников, и — на удивление — многих односельчан, пригнавших тракторы и телеги, пойти и прибрать лес от стеклянных бутылок и пластика.

Они оба очень любили перемены. Ер на них пропадал у трудовика, Амана Кунанбаевича, и они вечно там что-то строгаили и пилили. Возвращался оттуда весь в опилках, довольный, и как будто переваривая их разговор с учителем.

— Опять он был у Дулатова? — фыркали у окна учителя, наблюдая, как Воробушек вылетает довольный из кабинета трудовика, — своей жизни не построил, а других чему-то учить пытается.

Много лет позже Воробушек признается, что Аман-агай⁴ заменил ему в какой-то степени отца, и он часами докучал неприметному, немногословному и косноязычному Кунанбаевичу своими фантазиями о будущем Бархан.

— Ты знаешь, Ер, мне очень сложно увидеть Барханы другими, — улыбался трудовик, — этим я похож на остальных. Наверное, старею.

Дима в это время шёл глядеть на футбол одноклассников, потому что можно было, стоя у кромки рядом с вытянутым проржавевшим забором с облупившейся тёмно-зелёной краской картинно «поддержать» пыhtящего на поле товарища, комментируя и смеясь над причудами и неловкими падениями школьников на серовато-чёрной лужайке. Часто Дима комментировал игру в окружении девочек из класса и ловко отшучивался.

— Ну вот, теперь надежда нашей сборной снова потерял бутсу, — (в то время, как «надежда сборной» снова запускала чищенный гуталином туфель вслед улетевшему мимо цели мячу), — и Дима громко смеялся.

— Дима, а сам-то что? Будто умеешь играть лучше, — смеялись девочки с косичками и первыми духами, запах которых Дима потом долго ещё помнил.

— Не барское это дело! — картинно парировал Дима, улыбнувшись Лале. В те редкие моменты Дима впервые начнёт понимать, как сильно его влекут эти бантики и духи.

Когда Воробушек прибежал через площадку из мокрого песка, распалившийся и явно желавший поделиться услышанной от трудовика мудростью, он увидел Диму и стайку девочек вокруг него. Серые пёрышки приземлились у его ботинок, и он с завистью наблюдал, как друг смеётся и что-то рассказывает девушкам, и как они, улыбаясь и толкая его в плечо, ласково поглядывают на высокого, может быть не самого хрестоматийно красивого, но очевидно очень харизматичного Диму, и ловят каждое его слово.

Ер долго смотрел на друга и так и не решился подойти. Среди девушек он заметил красавицу Лале, которая тоже ласково смотрела на Диму, и его крохотное сердечко, стучащее до этого до предела, теперь рухнуло в пятки. Наконец Дима увидит его, махнёт рукой, что-то крикнет на прощание девочкам и твёрдым шагом пойдёт к Еру.

— А ты разве не у Амана Кунанбаевича? — с удивлением спросил он, — ты же у него постоянно пропада...

— Ну и как твои поклонницы? — отдирая каштанового цвета грязь, налипшую на подметки, спросит распалившийся Ерлан, — всех уже себе прибрал?

— Да... какие поклонницы? — снова отмахивался Дима, улыбаясь и слыша, как звеняще-уютно стучит молоточек, подгоняемый током, по металлической чаше звонка, — идём скорее на урок.

Понимая задним умом интерес девчонок, парень постоянно сомневался во вроде бы непреложной истине и нуждался, как зависимый человек нуждается в своём объекте зависимости, в постоянном подкреплении его веры. В том числе поэтому ему нравились эти бесконечные прогулки с Ером, на которых друг, хотя очевидно и завидуя, с полунасмешкой и неприкрытым признанием талантов друга, частенько спрашивал его об интересе со стороны.

«А вдруг они только притворяются? — думал он, — а вдруг им интересны только шутки? А что если просто вокруг нет ни одного красивого мальчика и они на безрыбье бегают за мной? Да и красив ли я?»

Девчонки, о которых думал Дима и которые долгое время грели его подростковое сердце, сменяли в его сознании друг друга сезонами.

⁴ агай — уважительное обращение к мужчине старше (каз.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.